

Н. В. ЗЛОБИН

По пути усиления «холодной войны»

В 1948 г. мы вели переговоры в Москве непосредственно со Сталиным по поводу блокады Берлина. Они продолжались в ООН осенью 1948 г. и зимой 1949 г. Мы быстро отреагировали на интервью Сталина прессе. Это привело к переговорам Маликом и Джессоном ранней весной 1949 г. и в результате — к концу блокады Берлина к встрече министров иностранных дел. Мы провели четыре месяца в Париже весной 1951 г., обсуждая повестку дня возможной конференции. Хотя мы и придерживаемся идеи переговоров, мы не видим никаких свидетельств того, что Советы настроены достичь и придерживаться различного реалистического соглашения по любому из важнейших вопросов, так как германский, австрийский перевооружения.

Однако, при всех разногласиях, обе стороны были заинтересованы выработать единую тактику в отношении возможных действий советского руководства «Наши фундаментальные цели в противостояние с СССР — говорилось в документах встреч, — заключается в том, чтобы скрыть его агрессивную экспансию в нынешних территориальных границах, повторить или создать, если возможно, ситуацию при которой бы и страны Восточной Европы — советских сателлитах — советский контроль и доминирование были бы ослаблены и удержать Кремль от действий, которые могут привести к серьезной войне. США стремились «к защите собственной национальной безопасности путем контроля за дальнейшим развитием экспансионизма СССР, как в плане прямых территориальных, требований так и в отношении расширения советского политического доминирования через

захват власти коммунистическими группами... в сдерживание советского экспансионизма методами, которые не приведут к войне. Точка зрения Англии была во-многом ближе к американской, но в Лондоне были склонны не столь серьезно оценивать советскую угрозу и возлагать большие надежды на достижения соглашений с советским блоком через прямые переговоры с советскими лидерами.

Уже на первой встрече 5 января 1952 г. премьер-министр Великобритании заговорил об «опасности из Кремля». Во время берлинского кризиса 1948 г. риск войны, по мнению Черчилля, был очень велик, теперь же он почти отсутствует. В Лондоне не ожидают преднамеренной атаки со стороны СССР в 1952 г. в то же русские чувствуют себя очень уверенно — со временем окончания войны «они приобрели половину Европы и весь Китай без потерь». Черчилль утверждал, что «страх является фактором советской политики. Они боятся нашей дружбы больше, чем нашей враждебности. Надо надеяться, что растущая мощь Запада имеет коренным образом это, и они будут бояться нашей враждебности больше, чем нашей дружбы и будут вынуждены искать нашей дружбы».

Администрация США выдвинула две главные задачи. Первая — «создать военное, политическое, экономическое и психологическое единство свободных наций и, особенно, стран-членов НАТО». И вторая — «стимулировать и использовать и слабости, разногласия и отсутствие единства за железным занавесом методами политической войны». Британское руководство полагало, что усиление военной мощи стран Запада «сможет спровоцировать Кремль на агрессивные действия. То есть, речь шла о выработке комплекса военных и политических мер по сдерживанию СССР, при этом Вашингтон делал упор на военные приготовления, а Лондон — на использование политических акций». Выступая 11 января в Колумбийском университете, А. Иден говорил, что СССР не стремится к крупномасштабной войне и с ним возможно, хотя бы временно договориться о мире.

Американцы же подчеркивали, что, по их мнению, «нынешние хозяева советской империи имеют две главные цели. Первое, сохранить свою собственную власть; вторая — расширить эту власть до максимальных пределов. Первая цель является более важной для советских правителей; на этом факте и базируются наши надежды по защите Запада против советской агрессии без

возобновления войны. В своих усилиях, достичь этой цели СССР не сковывает себя моральными принципами и признает только силу». Поэтому соглашение с СССР бесполезны, если они не базируются на силе.

Эту позицию на переговорах особенно ясно высказал Ачесон: «главная опасность для нас заключается не в возможности масштабной атаки на Западную Европу, а в получении действия с помощью сателлитов в различных частях мира, что изнурит западные силы. Я говорю о таких действиях, как например, те, что ведутся сейчас в Индокитае», «Необходимость, — делал вывод Ачесон, — создать существенные вооруженные силы, способные любые действия СССР сделать слишком опасными, для него самого.

В отличие от Англии, США признавала возможность новой мировой войны. Выступив 9 января 1952 г., с годовым отчетом в Конгрессе и присутствии Черчилля, Трумен заявил, что опасность мировой войны продолжает оставаться вполне реальной. «Никто не может быть уверенным, — полагало правительство США, — что война не начнется в течение этого периода — в результате ошибочных расчетов или из-за положения в какой-то конкретной ситуации, или в результате отчаянного, но преднамеренного решения Кремля. Таким образом, в течении следующих двух или трех лет, по мере того, как наша сила будет возрастать, распространяясь от центра, и приблизиться к Советскому Союзу и сфере его контроля, а по мере того, как советские атомные ресурсы достигнут возможности критического размера, нам необходимо продолжать признавать нарастающую вероятность войны». После заключения перемирия в Корее, полагали американские лидеры, СССР может спровоцировать еще одну агрессию через своих сателлитов на новом центре военных действий. И хотя победа СССР во всеобщей войне сомнительна, даже при успехе на начальном этапе, это не повлияет на поведение Советского Союза в случае военных действий. Отсюда необходимо скорее достичь истинного превосходства над СССР или, по крайней мере, достижения совместного военного уровня.

Добиться согласия на такую политику Трумен пытался на всем протяжении переговоров с Черчиллем. Он доказывал британскому премьеру, что ближайшие цели советских лидеров весьма ясны, они хотят замедлить процесс перевооружения стран членов НАТО... остановить строительство военных баз, откуда можно достичь их границ... предотвратить перевооружение Германии

и Японии, поставить под свой контроль всю Корею, а затем и всю Юго-Восточную Азию... не допустить создания эффективной системы обороны на Ближнем Востоке... Это советская политика носит постоянный характер. По нашему мнению, Кремль принимает решение и действует только после того, как серьезно сравнит возможности — свои собственные и противника... Кремлевские руководители очень чувствительны к... собственной безопасности»

На этом основании правительство США делало вывод, что долгосрочные цели СССР это, во-первых, подготовка к войне и стремление превзойти военные потенции стран Запада, во-вторых, расширение своей сферы влияний и попытки взять под контроль правительство все этой сферы и, в-третьих, подталкивание как можно большего числа некоммунистических стран к проведению нейтральной политики и к отказу от предоставления своих ресурсов странам Запада.

Черчилль интересовался мнением американцев, как долго продлится холодная война, до тех пор будут страны Запада увеличивать свои военные силы и, наконец, являются ли их целью организация восстановлений в СССР и его спутниках. Вашингтон призывал договориться об увеличении сил США в Великобритании, «чтобы быть в состоянии продолжать холодную войну», с тем, чтобы наращивать преимущества Запада. «Могут возникнуть удобные случаи для того, чтобы отравить отношения между Кремлем и его сателлитами и ослабить контроль за нанесением со стороны коммунистических режимов... Но мы наращиваем наши силы без мысли ускорить в будущем столкновение с СССР». Районом возможного конфликта между СССР и Западом американцы считают Западную Европу, где Кремль «почти наверняка будет продолжать “американское” наступление в целом усиления страха перед войной», «играть на объединительных настроениях в Германии» и «с помощью местных коммунистических партий приветствовать везде, где только возможно, эффективной деятельностью правительства».

Масштабные военные действия в Европе маловероятны, так как связаны с большим риском. Они могут затронуть интересы НАТО, но нападение на Югославию весьма возможно. В Азии СССР будет стремиться заставлять Китай и свои восточноевропейские сателлиты активнее участвовать в военной деятельности, полагая при этом, что это не приведет ко всеобщей войне.

«В частности, — говорилось о документах встречи, — Кремль рассчитывает, что возможные интероцепции коммунистического Китая в Индокитай или Берму не спровоцирует начало всеобщей войны, что приведет к расширению коммунизма в Юго-Восточной Азии». На Ближнем Востоке «Иран представляет собой самую лучшую цель. Основываясь на договоре 1921 г. они могут оккупировать, по крайней мере, Северный Иран, считая, что это повлечет за собой сравнительно небольшой риск войны». Что касается Кореи, то коммунистические лидеры «надеются, что им удастся выпутаться из неудачных действий без серьезной опасности нанести ущерб престижу коммунизма без материальных убытков».

Особенную опасность американцы видели в том, что СССР может начать войну, неправильно оценив размеры военного риска, либо рассчитывая, что ведущие западные страны не примут вызов. США и Англия говорили Турции, что должны абсолютно ясно показать советским лидерам, что «любые попытки агрессии вызовут сопротивление... Усиление военной силы должно оставаться нашим высшим приоритетом». Трумен поделился с Черчиллем информацией о военном потенциале СССР, которой он только что получил из Пентагона.

На третий день переговоров после долгих дискуссий об американкой экономической помощи Англии Трумен вернулся к вопросам увеличения военной мощи стран Запада. Попытки Черчилля добиться создания в рамках европейских вооруженных сил самостоятельных английских дивизий не были поддержаны, Труменом, который перебил собеседника, заявив, что «идея интернациональной армии сработала в Корее... Это не противоречило интернациональному или боевому духу. В Корее мы кормим турков так, как они хотели, чтобы их кормили, и обращаемся с другими нациями в соответствии с их привычками и они все очень хорошо там вместе существуют и сражаются».

В конце концов Черчилль заверил Трумена, что Англия делает все возможное для наращивания высшего превосходства Запада над СССР. Более того, он предложил объединить военно-воздушные силы стран Западной Европы. «Давайте напишем в комитет, — сказал он, — что мы все за российскую армию. Англичане помогут и, если надо, готовы соединиться с другими». Покладистость Черчилля не стала сенсацией для журналистов. «Ясно, что есть препятствия для восстановления равностороннего

партнёрства». Огромные изменения произошли в стиле и престиже Англии за последние пять лет. Черчилль прибыл в Вашингтон в качестве руководителя нации чья империя сжалась, и которая испытывает серьезные экономические трудности. Необходимость получить экономическую помощь стало одной из причин политической уступчивости британского премьера.

8 января к большому неудовольствию американцев Черчилль все же поднял вопрос о новой встрече на высшем уровне с участием Сталина. По мнению английского премьера, «русские хотят такой конференции», хотя и признал, что она может принять форму противостояния. «Результаты ее, — осторожно продолжил Черчилль, — однако могут быть благоприятным, ибо президент США приедет на конференцию со всей мощью своей страны, стоящей за ним и это возможно заставит русских быть благоразумными. С другой стороны, никто не может быть в этом уверенным, и русские могут быть неблагоразумными. Но в таком случае мы не должны исходить из предположения, что конференция окончится немедленной войной».

Трумен отметил, что поддерживает любые шаги, которые могут предотвратить войну, но «не верит, что русские хотят этого». В жестком тоне президент заявил, что «примет участие лишь в такой конференции, которая способна принести реальные результаты и, что Черчиллю не стоит настаивать на конференции, которая может закончиться противостоянием. “На такого рода встрече, — сказал Трумен, — русские, вероятнее всего, будут продолжать линию, которой они сейчас придерживаются в Париже”, Для Трумена согласие встретиться в составе Большой Тройки или Четверки смягчало признание определенного отношения Америки с СССР, Англией и даже Францией, что было бы негативно воспринято большинством американской политической элиты. Для Черчилля даже само предложение о такой встрече стало бы не только символом личного возвращения на вершину мировой политики, но помогло бы стать лидером, вернувшим Англию к равенству с США и СССР, утраченному за годы правления лейбористом»

Однако Трумен сразу же заявил, что новая встреча на высшем уровне «только назовет фальшивые надежды во всем мире и ее неудача по достижению какого-либо конкретного решения погрузит мировое общественное мнение в глубокий мрак. Я думаю, что многие будут реально полагать, что неудача такой встречи

достичь ощутимых результатов есть последнее отчаянное усилие предотвратить новую мировую войну». Трумен заявил, что «не поедет в Россию, хотя готов встречаться с русскими, если они сами приедут в Вашингтон», и что он «искренне надеется, что Вы публично не предложите встретиться со Сталиным, ибо это поставит меня в неудобное положение и я вынужден буду сказать, что, хотя и всегда рад видеть Сталина в Вашингтоне, я не желаю посещать его в его столице». Трумен понимал, что такое заявление ни к чему его не обязывает, поскольку он уже дважды приглашал Сталина посетить США. В 1945 г. в Потсдаме Сталин формально принял приглашение, но не подтвердил свое согласие по возвращению в Москву. В марте 1946 г. президент США повторил свое приглашение, но получил отказ.

США теперь отказывалось не только от встречи Большой Тройки, но даже от переговоров на уровне министерств иностранных дел или их заместителей: «ни одно советское официальное лицо не обладает достаточной гибкостью, чтобы сделать встречу по-настоящему созидательной». Однако, считал Трумен, нельзя позволить Кремлю полностью изолироваться, ибо тогда «советские лидеры могут сделать опасные выходы на основе неправильных впечатлений. Честно говоря, я не думаю, что мы можем надеяться на то, чтобы принести чудесные изменения в советскую политику, так же, как мы не убедим их, что хотим мира. Президент заметил, что вряд ли русские сейчас находятся в умиротворенном настроении, особенно после того, как Вашингтонский только что назвал главного генерала в Корею, генерала Ван Флита каннибалом. Черчиллю ничего не оставалось сказать, кроме того, что он «не будет делать ничего, что могло бы связать руки президенту или сделать ситуацию для него более сложной». Больше, вплоть до смерти Сталина, не поднимался вопрос о встрече на высшем уровне с участием СССР. Но к тому времени в Белом доме уже два месяца был другой президент — генерал Дуайт Эйзенхауэр.

Черчилль и Трумен договорились сохранять официальные каналы общения с СССР, но одновременно нападать и наводить и неформальные контакты на высоком уровне, в том числе, со Сталином. Трумен информировал Черчилля, что он посылает в Москву Дж. Кеннана. «Наряду с другими его способностями, — считал Трумен, — я думаю, что он вполне подходит для такого типа неформальных контактов и дискуссий с советскими

официальными лицами, если ему это позволят». Было заявлено также, что США «горят желанием воспользоваться любым сигналом о том, что Советы желают реалистичных переговоров по конкретному вопросу. История блокады Берлина служит тому доказательством».

